

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО ПРИГЛАШЕННОГО РЕДАКТОРА

DOI: 10.14515/monitoring.2019.1.01

Правильная ссылка на статью:

Омельченко Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

For citation:

Omelchenko E. L. (2019) Is the Russian case of the transformation of youth cultural practices unique?. *Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*. No. 1. P. 3—27. <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.01>.

Е. Л. Омельченко УНИКАЛЕН ЛИ РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК?

УНИКАЛЕН ЛИ РОССИЙСКИЙ СЛУЧАЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ МОЛОДЕЖНЫХ
КУЛЬТУРНЫХ ПРАКТИК?

IS THE RUSSIAN CASE OF THE TRANS-
FORMATION OF YOUTH CULTURAL PRACTI-
CES UNIQUE?

ОМЕЛЬЧЕНКО Елена Леонидовна — доктор социологических наук, профессор, директор Центра молодежных исследований, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге, E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru <http://orcid.org/0000-0002-5951-3682>

*Elena L. OMELCHENKO¹ — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Director of the Centre for Youth Studies
E-MAIL: omelchenkoe@mail.ru
<http://orcid.org/0000-0002-5951-3682>*

¹ National Research University Higher School of Economics in St. Petersburg.

Аннотация. Статья посвящена опыту исследований молодежных культурных практик и групповых идентичностей в России в постсоветское время. Обращение к 25-летнему периоду развития и трансформаций молодежного культурного пространства объясняется

Abstract. The article focused on the experience of studying youth cultural practices and group identities in Russia in the post-soviet era. The attention to 25 years period of the youth cultural space transformation could be explained not only with scientific interest and an attempt

не только научным интересом и попыткой осознать перемены, произошедшие в этот исторический промежуток, но и желанием проследить динамику теоретических идей и исследовательских решений НИЦ «Регион» (основан в 1995 г.) Ульяновского госуниверситета и центра молодежных исследований НИУ ВШЭ (основан в 2009 г.). Задача поместить в рамки одной статьи все полученные результаты — идея амбициозная и вряд ли полностью выполнимая. Поэтому внимание будет сконцентрировано на ключевых направлениях трансформации молодежных культурных практик, на определяющих сюжетах прямого или опосредованного влияния как глобальных трендов, так и локальных дискурсов. Важно разобраться: шли эти изменения вслед за глобальными трендами (Европа, Северная Америка, Австралия), широко задокументированными в ключевых работах исследователей молодежных культур и практик, или российский случай является исключением, выпадающим из «классической» картины? Основанием для анализа стали данные ключевых проектов наших центров, а также новые теоретические и методологические подходы к анализу меняющейся молодежной социальности в процессе трансформации политических режимов и социально-культурной атмосферы российского общества.

Ключевые слова: молодежные суб/культуры, солидарности, молодежные сцены, поколенческие профили

to understand the changes that have occurred in this historical period, but with the fact, that during these years the theoretical and practical findings and work of the Scientific Centre “Region”, Ulyanovsk State University (founded in 1995) and Centre for Youth Studies, Higher School of Economics, St. Petersburg (founded in 2009) were developed. The task to include in the frame of one article all our results is ambitious and perhaps could not be complete. That is why we will focus the main attention on the key directions of the transformation of youth cultural practices, on the crucial plots of the direct and mediated influence of global trends as well as local discourses. It is important to understand: did these changes follow the global tendencies (Europe, North America, and Australia) described in the key works of researchers of youth cultures and practices? Or is the Russian case an exception fallen out the ‘classical’ picture? The basis for the analysis is the data from key research projects of our Centers, as well as new theoretical and methodological approaches to the analysis of changing youth sociality in the frame of political and cultural transformations of Russian society.

Keywords: youth (sub)cultures, solidarities, youth scene, generation profiles

Точка отсчета

Вместе с молодежной реальностью менялись теории и интерпретативные схемы. В конце 1980-х — начале 1990-х годов, критически переосмысливался субкультурный подход [Hall, Jefferson 1976], появился целый корпус академических текстов, выполненных в так называемой постсубкультурной парадигме. Ранее мы

уже писали, что идеи авторов, вдохновленных резкими изменениями культурных молодежных ландшафтов, стали ответом на глубинные перемены в «обществе потребления позднего модерна, приведшие к возникновению «постмодерных субкультур» [Омельченко, 2011; см. также Bennett, 1999; Bennett, Kahn-Harris, 2004; Blackman, 2005; Muggleton, 2000; Redhead, 1995]. Долгое время дискуссия между суб- и постсубкультурными теоретиками оставалась вне фокуса внимания отечественных исследователей. С 2005—2007 гг. ситуация стала меняться: российские исследователи включились в глобальный академический дискурс.

Критика субкультурного подхода была направлена на исключительную роль классового происхождения субкультурных идентичностей и субкультурного выбора как символического сопротивления юношей и девушек родительской и через нее — доминирующей культуре общества. «Классические» субкультурные образцы требовали верности стилю и идеологии, цементирующей единство и проявляющейся в телесных перформансах, «особом прикиде», сленге, культурных симпатиях. Постсубкультурные теоретики настаивают на текучести и временности культурных привязанностей молодежи как реакции на существенные трансформации постмодернистских обществ. По их мнению, включение в те или иные субкультурные группы — это случайные и досуговые практики, микс самых разных культурных идентичностей, с одной стороны, впитавших в себя популярные поп-имиджи, с другой — их постоянно порождающие. Яркие идеи новой волны молодежных исследователей привели к возрождению интереса к новым формам молодежной социальности. Наравне с этим продолжают исследоваться: молодежная транзикация в контексте структурных условий взросления и их связи с молодежными культурами [Pilkington et al., 2002; Hodkinson, 2004; Nayak, 2003; MacDonald, Marsh, 2005], роль пространственных локаций, территорий и режимов реального времени, влияющих на жизненные траектории и культурные практики молодежи [Roberts, Pollock, 2009], особенности исследования маргинальных или периферийных мест, групп и практик [Pilkington, Johnson, 2003; Shildrick, Blackman, MacDonald, 2009], поколенческие различия, новые формы гражданского участия и вовлеченности, формирующиеся солидарности вокруг ценностно-стилевых противостояний на молодежных сценах [Omelchenko, Pilkington, 2013; Omelchenko, Sabirova, 2016]. Как соотносится этот «классический» багаж пост/субкультурного дискурса с нашим исследовательским опытом?

Где искать уникальность?

Молодежное культурное пространство современной России отличается конфликтностью и многоликостью. Новые молодежные активности формировались и развивались в контексте скачкообразных трансформаций, затрагивающих все стороны российской жизни. Кардинальные изменения в перестроечный период сменялись замедлением и стагнацией. Бум неформальной молодежной активности — публичными манифестациями участников прокремлевских движений. Отказ от цензуры и демократизация СМИ — запретами нелояльных власти культурных инициатив и идеологическими чистками. Новые молодежные активности могли совмещать в себе идеи и практики молодежного суб/контр/культурного бунта вместе с остатками идей и лозунгов формальных молодежных объединений советского времени. Полного освобождения от «родимых пятен» советской

социальности, несмотря на смену поколений, не произошло до сих пор. Особую роль в перегруппировке молодежных сцен играют государственный и медийный дискурсы вместе с воспитательными и пропагандистскими практиками продвижения государственной молодежной повестки.

Опираясь на значимые приметы времени, можно выделить три этапа реформатирования молодежных культурных сцен за последние 25 лет (не забывая, что любая периодизация условна, а формы молодежной социальности зачастую смешаны). Сконцентрирую ваше внимание на самых ярких чертах изменений.

Молодежные культурные практики в 1980-х — в начале 2000-х годов

Крайне тяжелая экономическая ситуация, меняющаяся политическая риторика, с трудом сдающая свои позиции советская повседневность, резкое снижение качества жизни у одних и повышение у других — эти и другие изменения формируют атмосферу социальной неопределенности и ценностно-нормативного вакуума. Важной приметой периода «перестройки, гласности и ускорения» было отсутствие молодежной политики и государственного регулирования молодежной активности, что приводило как к позитивным, так и негативным социальным эффектам: закрывались кружки при домах культуры, сворачивалась советская инфраструктура внешкольного образования и организации досуга, сходил на нет институт советского воспитательного патронажа в школах, институтах и университетах. В это же время выросла общественно-политическая активность «неформальных» объединений молодежи на фоне резкого снижения как репутации, так и численности членов ВЛКСМ. Монополизм ВЛКСМ и полная зависимость от партийного диктата привели к полному отчуждению аппарата от самой молодежи, засилье формально-бюрократического стиля организации — к социальной апатии и исключительно формальной включенности молодежи в организованные мероприятия.

На фоне ослабления государственного контроля появились низовые политические и культурные инициативы, общественные движения. В столичных городах и мегаполисах наблюдался субкультурный бум. Формирование рыночных отношений и усложнение структуры неравенств легитимировало тему социального неравенства и классового происхождения: говорить и писать о субкультурах стало не только можно, но и модно: «Распространившиеся на волне перестройки молодежные группы называли неформальными, это понятие использовали и сами участники молодежной сцены, хотя распад ВЛКСМ и радикальные реформы государственной сферы лишили неформальную идентичность первоначального смысла. Поиск свободных от политических коннотаций терминов привел ученых к понятию «тусовка», которое использовалось и самой молодежью. Тусовки стали заметным явлением в конце 1980-х годов в центральных частях российских городов. Это были аутентичные культурные молодежные компании, ядром групповой идентичности которой являлся стиль, альтернативный мейнстримному. Они отличались локализацией и коллективной замкнутостью на «свой круг» [Омельченко, 2011].

Отдельные виды субкультурных и неформальных активностей существовали и до перестройки (например, стиляги 1960-х, хиппи 1970-х, движение КСП) [Омельченко, 2013], но именно конец 1980-х и начало 1990-х отмечены

бумом неформальной активности [Pilkington 1994; Омельченко 2004]. Российская молодежь начала осваивать культурные молодежные сцены, используя стратегии включения как «классического», так и миксового формата [Омельченко, 2013]. «В конце 1990-х годов появились первые социологические публикации о российских молодежных «субкультурах» [Исламшина 1997; Костюшев 1999; Омельченко 2000; Щепанская 1993], где субкультурная идентичность представлялась в терминах выбора жизненного стиля, а не классовой принадлежности/происхождения, как это было характерно для западного дискурса.

Самые яркие приметы того времени зафиксированы в результатах совместного проекта «Глядя на Запад: принятие и сопротивление образам Запада провинциальной российской молодежью»¹. Анализ российских субкультурных идентичностей показал, что ключевым маркером, с помощью которого молодые люди определяли свою культурную ориентацию, было выделение «продвинутой» (иногда — прогрессивной, альтернативной) и «нормальной» (обычной) молодежи. Эта самоидентификация начинает нами использоваться для определения двух основных культурных стратегий, характерных для молодежи конца 1990-х» [Омельченко, 2011].

В ходе реализации данного проекта была проведена серия этнографических наблюдений в молодежных культурных и досуговых пространствах Ульяновска, Самары и Москвы. Во всех городах в этот период открывались клубы, появлялись аудитории с особыми музыкальными предпочтениями, формировались группы «клубников», посвященных в разделяемые участниками контексты. Эти места стали частью городских культурных инфраструктур и туристических маршрутов.

«Во всех трех городах «продвинутые» составляли меньшинство на молодежных сценах. Большая часть молодежи «зависала» по квартирам, во дворе дома или школы, слушала музыку, участвовала в спортивных, музыкальных и других мероприятиях. Они называли себя «нормальной» или «обычной» молодежью, что не говорило об отсутствии у них культурной активности. Их главным отличием от «продвинутых» была неопределенность музыкальной и стилевой идентичности, они не были «субкультурщиками», но и не все они были «гопниками». Антинеформалы-«гопники» считали себя выразителями «морального большинства», их агрессивность по отношению к «неформалам» была способом поддержания локального порядка. На момент проведения исследования «гопники» знали два вида культурной практики: они «били друг друга» и «наезжали на неформалов». Некоторые из них включились в доступные формы популярной молодежной культуры (рейв), часть ушла в организованную преступность. Развитие рыночных отношений освободило пространство «черного рынка», и в этой полулегальной экономической нише «гопники» выросли в новые фигуры на молодежной культурной сцене: в «братков» и «членов бригад»» [Омельченко, 2011].

Существовали ритуальные битвы и внутри «продвинутых» (субкультурных) групп. Так, например, «агрессия рэперов была направлена на скинхедов и рейверов. Движение скингов рэперами напрямую ассоциировалось с фашизмом и расизмом,

¹ Исследование проводилось в 1997—2000 гг. в Ульяновске, Самаре и Москве. Руководители: Хилари Пилкингтон и Елена Омельченко (при поддержке фонда «Leverhulme Trust», Великобритания). По результатам проекта опубликована книга «Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures» [Pilkington et al., 2002] и ее русский перевод «Глядя на Запад: Культурная глобализация и российские молодежные культуры» [Пилкингтон и др., 2004].

считалось антирусским, близость рэперов к афроамериканской культуре хип-хопа придавала конфликту особый смысл.

Среди «продвинутых» культурных форм рэп располагался в ряду музыкальных и танцевальных движений, укорененных в хип-хоп-культуре уличных танцев, характерной для нью-йоркской сцены 1970-х годов. Эта культура улицы привлекала молодых россиян, выросших на городских окраинах, с их территориальными традициями и «гопническими» стратегиями: рэп соединял в себе стратегию локальности, близость к улице, «крутую» маскулинность и интерес к «альтернативной» музыке и стилю.

То, что рэперы и рейверы располагались между нормальной и продвинутой стратегиями, говорило о проницаемости границы между ними. Молодежь могла присваивать культурные формы как средство для перехода от одной стратегии к другой, но отделение продвинутой молодежи от нормальной было важным моментом индивидуально-групповой идентичности для всех, символическая борьба между ними шла за культурные сцены (клубы, дискотеки, кафе) через музыку, атмосферу.

Культурные стратегии «продвинутой» и «нормальной» молодежи отражали социальную дифференциацию в доступе к «глобальному» и способах участия в нем. Так, например, почти вся молодежь слушала и российскую, и западную музыку, но последняя считалась «музыкой для тела» (для танца или фоном для занятия чем-нибудь еще), в то время как российская (рок, авторская песня и даже поп) — «музыкой для души» [Омельченко, 2011].

Проект, посвященный образам Запада, был своего рода ответом на моральную панику по поводу американизации сознания российской молодежи. «Мы стремились понять, какие повседневные практики сопровождают реальную или мифическую вовлеченность молодежи, существует ли «слепое» следование западным образцам и что это за образцы. И, наконец, как в этой связи формируется образ России. Мы обнаружили, что Запада как целого в восприятии молодежи не существовало. Наиболее критичными к Западу были самые вовлеченные, менее критичными и более восторженными были те, кто строил образы Запада по фильмам, слухам и красочным поп-героям. Географически Запад мог располагаться как исключительно в Северной Америке или Старой Европе, так и в Японии. Его адрес и размеры менялись в зависимости от личного опыта общения, уровня образования, доступа к информации. Вместо образа привлекательного и манящего Запада мы обнаружили рост стихийного патриотизма, своего рода тоски по России вместе с обидой, что молодость проходит в стране, «где все не так». В качестве защитной системы формируется по-своему привлекательный образ России как зеркальное отражение того, что признавалось негативным на Западе: образ жизни, образование, культурный уровень, личные коммуникации описывались информантами как лишённые самых важных для российского человека качеств душевности, искренности, теплоты и открытости»².

Вместе с изменениями субкультурных ландшафтов городов изменялся и общий культурный фон молодежного пространства, этот же период стал своего рода колы-

² Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

белью так называемого русского рока. Существует достаточно обширный корпус как отечественной, так и зарубежной литературы в академическом и популярном формате, посвященной этому периоду развития российского андеграунда [Волков, Гурьев 2017].

В конце 1990-х — начале 2000-х годов появились отечественные рэперы, которые старались адаптировать проблемы американского «черного рэпа» к российским реалиям. Формирующееся в этом пространстве противостояние рэперов и металлистов было не столько музыкальным, сколько стилевым. Значение имела одежда, знание истории той или иной группы или направления, внешний вид. В стилевые разборки между рэперами и металлистами постоянно внедрялись панки, выступая на стороне то одной, то другой группы [Gololobov, Pilkington, Steinholt 2014].

В эти годы в городских домах культуры (домах творчества, домах пионеров и пр.) начали работать дискотеки с барами и мини-кафе. Их аудиторией была «обычная, нормальная» городская молодежь. Постепенно набирал обороты отечественный шоу-бизнес, пионерами которого стали первые поп-группы «нового» формата («Ласковый май», «Мираж», «НаНа», «Руки вверх» и др.). Для них был характерен новый чувственный, эпатажный язык и откровенно сексуализированные имиджи. Как и везде в мире, адресовалась эта музыка подросткам и школьникам.

Вместе со стремительным ростом спальных городских районов вокруг предприятий и заводов, активизировались молодежные группировки, объединявшие депривированную, часто криминализованную молодежь, ориентированную на агрессивный контроль своих локальных территорий. Для этих сообществ были характерны жесткая патриархальная маскулинность и культ физической силы. Участники группировок стали на достаточно долгий период своего рода «санитарами» городов, они устраивали облавы на места сбора и тусовок неформалов, психологически и физически боролись с «субкультурщиками», отстаивая свое право на центральные городские пространства [Stephenson, 2015]. Исследования того времени фиксируют сложные процессы переформатирования и реконфигурации, проникновения и взаимовлияния гопнических и неформальных культурных имиджей, стилей и идей. Появились гопнические субкультуры — например, бонхеды, гламурные панки и готы, субкультурные имитаторы и буферные культуры. Субкультурные сцены стали фрагментироваться, подгруппы отказывались от навязываемых поп-культурой имен. Начался поиск особых, аутентичных идентичностей внутри классических субкультурных сцен.

Рождение и публичное признание субкультурного субъекта непосредственно повлияло на политическую молодежную повестку. Дискурсивные линии «работы с молодежью» воспроизводили позднесоветский конструкт «молодежи как социальной проблемы» — субкультурная групповая идентичность рассматривалась как девиантная практика, требующая контроля и регулирования. Конец столетия был отмечен ростом наркотизации, волна передозировок затронула молодежь во многих городах России. В ряде алармистских реакций расширяющаяся вовлеченность молодежи напрямую связывалась с включенностью в субкультурные активности. Наши исследования рискованных форм молодежного потребления были нацелены на преодоление моральных паник, фактически закрывающих возможность конструктивной профилактической работы [Гончарова и др. 2005].

Активно конструировался российский молодежный потребитель, политико-идеологическое противостояние было заменено/вытеснено культурным. Субкультурный капитал превратился в экономико-потребительский ресурс, в товар, продвигаемый и продаваемый наряду с другими³.

На фоне усиления символической/реальной границы между «продвинутой» (неформальной, альтернативной, субкультурной) и «нормальной» (конвенциональной, крайнее крыло — гопников) молодежью сформировались буферные группы, участники которых заимствовали различные культурные элементы и смыслы, переопределяя и комбинируя их. Субкультурный капитал «перераспределялся» от неформалов к гопникам, что ослабляло субкультурное присутствие на молодежных сценах.

К началу 2000-х годов растущее неравенство населения по уровню жизни, социальному статусу, доступу к значимым ресурсам, по культурным стратегиям привело к широкому распространению ксенофобных и гомофобных настроений как в обществе в целом, так и в молодежной среде⁴.

Новое тысячелетие и новые поколенческие практики: первое десятилетие XXI века

Рубежом «нулевых» стал финансово-экономический кризис 2008 г. Вместе с трагическими событиями в начале века в США (атака 9/11), кризис спровоцировал очередной всплеск интереса к поколенческому подходу [Edmunds, Turner, 2002: 118; Omelchenko, 2012]. Рожденное в переходе от XX к XXI вв. медийное имя «миллениалы» до сих пор остается знаковым для анализа коренных изменений в молодежных практиках, групповых идентичностях и формах социальностей [Радаев, 2018].

Поводом для серьезных опасений стали события на Манежной площади в июне 2002 г., когда «футбольные фанаты и гопники устроили погром после поражения российской сборной в матче Россия — Япония. В ход пошли выражения о неуправляемой агрессивной массе, отсутствии моральных ограничений, опасности бессмысленных молодежных бунтов. О выходящих из-под контроля ксенофобных и экстремистских настроениях открыто заговорили после событий в Кондопоге в 2006 г.⁵ Отдельную тревогу вызывал рост скинхед-активности на всем пространстве постсоветской России [Pilkington, Omel'chenko, Garifzianova 2010]. Особые страхи были связаны с чередой цветных революций на постсоветском пространстве, одним из активных участников которых была признана молодежь. Интерес к молодежи как электоральному ресурсу и потенциально опасной массе канализировался в развитие широкомасштабных проектов молодежной мобилизации вместе с разработкой новых программ патриотического воспитания и публикацией новых учебников истории России»⁶.

³ Омельченко Е. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или как гопники вытесняют неформалов [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/05/23/gopniki/> (дата обращения: 28.02.2019).

⁴ Омельченко Е. Ритуальные битвы на российских молодежных сценах начала века, или как гопники вытесняют неформалов [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2006. URL: <http://www.polit.ru/article/2006/05/23/gopniki/> (дата обращения: 28.02.2019).

⁵ Массовые беспорядки в Кондопоге (августа — сентябрь 2006 года) имели большой резонанс в СМИ, где молодежь фигурировала в качестве основного участника беспорядков [Омельченко, Пилкинтон, 2012].

⁶ Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

Государство берет молодежь в свои руки

В «лихие девяностые» внимание политиков к молодежи было ослаблено, процессы на молодежных культурных сценах разворачивались стихийно и вне особого контроля. С начала нового тысячелетия ситуация кардинально изменилась. Началась эра широкомасштабной молодежной мобилизации, яркой вехой которой стал знаменитый проект «Наши», инициированный президентской администрацией⁷. Идея массовой «уличной политики» с ее провокационным и новаторским форматом оказалась крайне успешной — «Наши» и их многочисленные последователи (как локальные, региональные мини-копии, так и всероссийские продолжатели) сыграли важную роль в переформатировании молодежного пространства. Они эффективно использовали механизмы административного ресурса, наработанные за советский период, активно продвигая актуальную политическую повестку. Проекты дополнялись программами патриотического воспитания, проведением массовых молодежных форумов и лагерей («Селигер»)⁸, где активистов-«комиссаров» готовили в качестве кадрового резерва для новой политической элиты и возрождения России. Смысл «новой молодежной политики» был не только в противодействии революциям. Участники проектов получали своего рода привилегию лояльности и патриотизма, чувствовали причастность к высшему эшелону власти, были готовы в случае необходимости к быстрой мобилизации и борьбе с оппозицией и «неправильной» молодежью. Поддержка госбюджетом и официальными медиа, сопровождение массовок и демонстраций милицией (полицией) фактически легитимировали их достаточно агрессивные выступления и провокации. Позже В. Сурков назовет участников движения «Наши» «ликующей гопотой», официально проект закроется. Бывшие «комиссары» и последователи создали свои группы, продолжившие борьбу за «моральный порядок» в российских городах: «Хрюши против», «СтопХам», «Ешь российское», ЩИТ, «Лев против», «Чистый город» и др.⁹ Новые движения продолжают получать финансовую помощь и медийную поддержку, хотя уже не в таких масштабах [Кривонос 2015].

Финансово-экономический кризис и новые варианты поколенческих имен

Глобальное поколение начала XXI века было названо «поколением R» (рецессии), поскольку оно формируется в условиях мирового финансово-экономического кризиса. «Кризис объединил молодежь разных стран и социальных позиций, наде-

⁷ Российское молодежное движение «Идущие вместе», созданное в 2000 г., стало предшественником массовых молодежных движений «Наши», «Молодая гвардия», «Местные» и др. «Наши» — самый удачный и провокационный, открыто прокремлевский проект В. Суркова и В. Якеменко. К концу десятилетия в движении наступил кризис и оно официально закрылось.

⁸ Форматы «Селигера» активно используются на различных региональных форумах молодежи, наиболее популярный из которых — «Территория смысла», ориентированный на топ молодежных активистов самых разных направлений. Спикерами форума становятся ключевые политические, медийные и культурные фигуры, лояльные существующей власти.

⁹ Интересной приметой новых инициатив стал публичный отказ от наследия «Наших». Этот жест важен для активистов, чтобы отмежеваться от репутации проекта, созданного сверху и действовавшего под патронажем и контролем президентской администрации. В настоящий момент ЦМИ участвует в международном проекте, в рамках которого исследуются новые гражданские инициативы молодежи, в том числе и провластные. Исследование осуществляется в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2016—2018 гг. и реализуется в партнерстве с международным проектом «PROMoting youth Involvement and Social Engagement: Opportunities and challenges for 'conflicted' young people across Europe» (Horizon 2020, 2016—2019).

лив их мироощущение схожими переживаниями. Однако глобальное включение и унификация объективной ситуации не привели к унификации эффектов кризиса. В России — это усиление коррупции, усложнение доступа к высшему образованию»¹⁰, значительное свертывание рынка труда высоких зарплат и статусов, что вызвало не только рост молодежной безработицы (который в РФ был менее заметен по сравнению с другими европейскими странами), но и новые стратегии реагирования, как, например, дауншифтинг. «Молодежь первого постсоветского поколения не застала пустых полок в магазинах, продуктовых талонов и «колбасных» поездов в столицу. Зато ей знакома проблема того, как сориентироваться в имеющемся изобилии. Шопинг становится особой культурной практикой, выполняющей важные социализирующие функции, «традиционная» шопинг-культура дополняется новыми формами аутентичного потребления. Трудовые стратегии молодежи не отличались постоянством, юноши и девушки предпочитали откладывать начало трудовой деятельности до тех пор, пока не найдут достойного, на их взгляд, места. Исследование того времени¹¹ показало на очевидные поколенческие приметы: рост безработицы (официальной и скрытой) на молодежном рынке труда, платное образование, усложнение социальных лифтов, расслоение между молодежью столичных (финансовых вампиров) и периферийных (депривированных) территорий, усиление и усложнение миграционных потоков. Другие приметы были спрятаны в повседневных практиках проживания, в особенностях жизненных стратегий и карьер, в определении новых смыслов жизни и представлений о жизненном успехе»¹².

Новые черты потребительских профилей и стилей

«Активно развивается индустрия детства — здравоохранение, юридическое сопровождение, защита прав ребенка, шоу-индустрия, детский туризм. Вместе с новыми потребительскими нишами и социальной группой «молодые родители» формируются новые типы исключений и социальной напряженности. На фоне государственной политики, продвигающей образцы многодетных молодых семей, растет расслоение между теми, кто имеет и не имеет доступа к ресурсам взросления — экология, государственный патронаж (ясли, садики, врачи, юристы), образование. Социальные сети молодых родителей становятся ресурсом солидаризации, их гражданская активность формируется вокруг базовых ценностей обслуживания и воспитания детей»¹³.

Молодежь в большей степени заботили не родительские трудности в обеспечении семьи продуктами питания, а сохранение привычного ритма досуга: ночной клуб, фитнес-центр, расценки на интернет и мобильный телефон. Отдельная роль в изменении культурных молодежных практик принадлежит широкой вовле-

¹⁰ Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

¹¹ Проект ЦМИ «Поколение R. Молодежь и экономический спад в сравнительной европейской перспективе» (поддержка ЦФИ НИУ ВШЭ 2009). URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/proekty> (дата обращения: 28.02.2019).

¹² Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

¹³ Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

ченности молодежи в социальные сети, которые стали диктовать свои правила коммуникации. На смену анонимности пришли индивидуальность, необычность, выросла популярность самопрезентаций, фото- и видеосессий, «распространились практики искренности и поддержки, гражданского участия, протестных и альтернативных рейтингов. Социальные сети существенно повлияли на потребительский рынок. В молодежной среде растет значимость немассовых продуктов. Модное и немодное, массовое и уникальное перемешиваются, принадлежность и непринадлежность формируются и завоевываются постоянно меняющимися путями¹⁴. Растет популярность фримаркетов, практик «отдам даром», модным становится переработка и трансформации (секонд-хенд, хенд-мейд, винтаж), непрофессиональное консультирование и экспертиза, распространяется обмен и продажа дорогих брендов. Формируются новые молодежные рынки, где соединяются практики производства и потребления — просьюмеризм, а также DIY-практики¹⁵,¹⁶.

«Продвижение новых потребительских медиа-имиджей влияет на быстрый рост в секторе коммерческих субкультурных рынков (от готических стилей до японских аниме), появление новых идентичностей, активно воспринимаемых и разыгрываемых частью мейнстримной молодежи. Хипстер (герой постгламура) становится модной фигурой молодежных сцен, политическим трендом и медиа-имиджем» [Омельченко, 2014]. Хипстеры презентуют себя в качестве основных пользователей интеллектуальных пространств (книжных кафе, баров, альтернативного кино и лофт-проектов) [Новикова, 2011].

Значимой приметой молодежных культурных сцен стала спортизация, что отразилось на внешнем виде городов. Движения, которые принято относить к постспортивным, частично воспринимают идеи нового русского патриотизма вместе с националистическими ценностями, как, например, ставшие популярными «Русские пробежки», «Русский бег», использующие лозунги ЗОЖ и «спасения русской нации» [Pilkington, Omelchenko, Perasović, 2018]. Широкое распространение получили такие спортивные практики, как паркур, бойцовские клубы, воркаут, основывающиеся на противостоянии коммерческого и натурального спорта, отказе от участия в спортивных корпоративах и от института тренеров [Зиновьев, 2014].

Развернулись движения в рамках городского активизма: от борцов за «моральный порядок», участников уличных протестов — до креативных флешмобов и заботы о чистоте дворов и улиц [Желнина, 2014; Krupets et al., 2017].

Стали появляться новые прочтения современной патриархальности в коммуникации различных молодежных групп — как часть новой протестной, индивидуально-приватной религиозности (например, в определенном возрождении субкультуры нью-эйджа и неоязычества), как продвижение идей потребительского аскетизма

¹⁴ Кризис усилил расслоение молодежного потребительского рынка на видимых и невидимых участников. Вне активной зоны потребления оказались молодые квалифицированные рабочие, молодые мамы, малоресурсные и исключенные группы — сельская молодежь, дети из семей с мигрантской историей, молодежь трижды НЕ: НЕработающая, НЕучащаяся и НЕвключенная в социальные программы [Варшавская, 2016].

¹⁵ Do It Yourself — не только молодежная практика, однако в молодежной среде она наделяется чертами знаковости и принадлежности к актуальному направлению активности: выход из-под рыночного контроля, управляющего потребительскими потребностями и формирующего массовые вкусы.

¹⁶ Омельченко Е. Молодежный вызов. Часть 1 [Электронный ресурс] // Полит.ру. 2011. URL: <http://polit.ru/article/2011/04/07/lessons/> (дата обращения: 28.02.2019).

(антифа, анархо-ориентированные группы) с их вниманием к антикапиталистическим ценностям, как осмысленное потребление (вегетарианство, веганство), как помощь депривированным и отверженным группам: проекты «Ночлежка», «Еда вместо бомб»; движения эко- и зоозащитников.

Взросла роль гендерных режимов в молодежной среде. Принятие или отвержение женской и мужской «нормативности/нормальности», разделяемых сообществом, стало значимым для солидаризации или противостояния различных сцен дуг с другом и отдельных подгрупп внутри одной сцены и субкультуры. «Популярно экспериментирование и игра с полом (аниме), продвижение новых сценариев сексуальной свободы (хипстеры) и аскезы (стрейтэйджеры), борьба за отстаивание «правильной/нормативной» маскулинности и фемининности (готы, эмо, скинхеды, панки), актуализируются про- и антигомофобная риторика в символическом и реальном противостоянии различных солидарных групп.

Дискурсивное пространство становится все более конкурентным. Кроме наделенных формальной и административной властью, важную роль в мобилизации активностей играют альтернативные, внесистемные дискурсы вокруг активных акторов интернета — популярных блогеров, творцов видеоклипов, размещенных в youtube ресурсах, альтернативных литераторов и непрофессиональных ньюсмейкеров. Расширение горизонтов информационного пространства и рост высоко компетентных пользователей интернета, стимулирует формирование новых профессий и площадок для политической, экономической и культурной активностей молодежи.

К концу десятилетия отчетливее проявились основные векторы радикализации отдельных молодежных солидарностей. Их ценностными якорями становятся про- и антипатриотические, про- и антимигрантские настроения, отношение к нормативным или альтернативным гендерным режимам, принятие или отказ от монопартийных систем, разные прочтения идей справедливости и прав человека» [Омельченко, 2014].

Конец 2000-х годов — переходим к понятию солидарности

«Очевидные изменения форм молодежной социальности первого десятилетия XXI века повлияли на изменение нашей исследовательской оптики и критическое переосмысление привычных конструктов групповых молодежных идентичностей. Неформалы, субкультуры, клубная или барная культура, альтернатива недостаточно отражали новые формы коммуникаций на молодежных культурных сценах» [Омельченко, 2013]. К концу 2000-х годов наши исследования фиксировали появление новых молодежных солидарностей — прямого или опосредованного, событийного или временного, реального или виртуального объединения разной молодежи вокруг разделяемых ценностей, которые на тот момент стали значимыми для самоопределения и идентификации со своими и размежевания с «другими, чужими». Эти солидарности, с одной стороны, деформируют аутентичные групповые субкультурные идентичности, с другой стороны, ценностно консолидируют различные сегменты молодежи из субкультур, буферных групп и мейнстрима.

«Понятие солидарности используется нами не в качестве универсального или нормативного, а с целью распознать сквозные формы прямых или опосредованных

объединений, социальный смысл которых определяется особенностями конкретных общественных ситуаций (экономических, культурных и политических режимов). Солидарный подход помогает увидеть не только внутри групповые, но и межгрупповые коммуникации, описать «буферные» пространства перехода и выйти на ключевые линии ценностно-культурных напряжений в межгрупповых коммуникациях, сделать акцент на особенностях симпатий и вражды внутри молодежного пространства. Интенсивность притяжений и отталкиваний позволяет судить о ключевых ценностях и идеях, вокруг которых разворачивается символическая борьба. В этой борьбе отражаются поиски групповой и индивидуальной аутентичности вместе со степенью влияния дискурсивных практик (государственных, политических, медиа) на отдельных индивидов и группы в целом» [Омельченко, 2014].

Преимущества использования концепта «молодежных солидарностей» заключаются в следующем:

— Во-первых, этот концепт помогает увидеть особые типы взаимоотношений между мозаичным большинством (мейнстримом) и независимым меньшинством. Культурное производство, интеллектуальная рефлексия или политический протест экспериментирующего субкультурного меньшинства играют важную роль референции для мейнстримного большинства.

— Во-вторых, этот подход позволяет понять, что как «субкультурные», так и мейнстримные молодежные культуры и практики ограничены теми же социальными противоречиями и неравенством, что и общество в целом. Молодежные культурные практики играют центральную роль в формировании привязанностей и солидарностей, которые придают смысл жизни молодежи.

— В-третьих, это оказывается более мягким способом описания молодежной реальности, помогающим преодолевать субкультурные барьеры и позволяющим находить общие значимые векторы, вдоль которых с разной степенью интенсивности располагаются молодежные группы. Ряд ценностно-смысловых континуумов позволяет учитывать как полярные (жесткие) варианты принятия или отторжения ценностных позиций, так и периферийные, пограничные, диффузные формы» [Омельченко, 2014].

Рост протестных выступлений на большинстве территорий европейских государств на рубеже первого и второго десятилетия 2000-х годов вывел молодежные исследования в актуальную повестку дня. Популярность экзотических самопрезентаций, глобальных ссылок выводит молодежные солидарности за пределы отдельных государств и национальных образований. Меняется палитра актуальных (трендовых) политик идентичностей: от ироничной и стебной гламуризации публичных протестов, использующих гендерные перформансы (арт-группа «Война», украинское движение «Фемин», российское «Порву за Путина», эпатажные женские панк-группы) до национал-патриотически ориентированных новых спортивных движений, таких как «Русский бег» или «Бойцовский клуб Путина». Важный элемент новых молодежных солидарностей — не только достижение позитивного результата участия в протестных контр- и субкультурных активностях, но и получение удовольствия (гражданского, эстетического) [Омельченко, 2015].

«Мы зафиксировали рост популярности антикапиталистических настроений и практик как значимого стимула солидаризации молодежи, включенной в различ-

ные группы. Так, в рамках исследования анархосолидарности в Санкт Петербурге были обнаружены разные формы этих настроений: от культурно символических противостояний до активных протестных действий и выступлений¹⁷ [Литвина, Омельченко 2013]. Новые молодежные движения и солидарности стали ключевыми акторами развития сетевых взаимодействий и коммуникаций, формируя политические площадки, развивая языки сетевых мобилизаций, расширяя горизонты потребительских практик, отстаивая новые солидарные смыслы справедливости, искренности и доверия» [Омельченко, 2014]. Выросла популярность DIY-практик как альтернативы расширению массовых потребительских индустрий, включающих не только производство одежды и бытовых товаров, но и музыку, медиа, кино/видео и театральную сферы.

Активное включение молодежи в освоение города через спортивные практики связано с важными изменениями внутри культурных сцен, спровоцированными широким использованием рискованной экзотики. Исследования того периода помогли обратить внимание на роль чувственного, телесного включения в коллективное тело «своих», которое либо стимулирует участие, либо подталкивает к выходу из группы. Значимость удовольствия связана с возможностью получения уникального индивидуального опыта и приобретения новых навыков и компетенций. Включенность в сообщества — временная или постоянная — помогает молодежи создавать локальные и неформальные пространства автономии, характеризующиеся празднованием социальности и гедонизма. Чувство принадлежности к сообществу придает смысл участию, помогая испытать альтернативные субъективности, ориентированные не только на разделяемые группой культурные и политические ценности.

Мы зафиксировали также «рост контркультурных настроений как знак ценностного разрыва в общественных настроениях, свидетельствующих о крайней актуализации понятия социальной справедливости, межгруппового и межпоколенческого доверия. Расширяется пространство молодежных групп, ориентированных исключительно на постматериальные ценности. Подобные контркультурные, вне/антисистемные солидарности включают в себя разные протестные группы — молодежь среднего класса, представителей креативного, интеллектуального сектора, айтишников, активных блогеров и сетевиков, не обязательно идентифицирующих себя с оппозицией. К концу первого десятилетия нового тысячелетия отчетливее проявились основные векторы радикализации отдельных молодежных солидарностей. Их ценностными якорями становятся про- и антипатриотические, про- и антимигрантские настроения, отношение к нормативным или альтернативным гендерным режимам, принятие или отказ от монопартийных систем, разные прочтения идей справедливости и прав человека» [Омельченко, 2014].

¹⁷ Исследовательская команда ЦМИ принимала участие в широкомасштабном международном проекте MYPLACE («Memory, Youth, Political Legacy and Civic Engagement»), руководитель профессор Хилари Пилкингтон, с российской стороны — Елена Омельченко (2011—2015) (в рамках программы European commission FP7). URL: <http://www.fp7-myplace.eu/index.php> (дата обращения: 28.02.2019). В рамках российской части проекта было сделано три кейса: «Русский бег» (исследователь А. Зиновьев), анархо-сцена Санкт-Петербурга (исследовательница Д. Литвина), молодежное движение «Наши» (исследовательницы Н. Федорова, Н. Минькова, Д. Кривонос), снято три исследовательских фильма (реж. Д. Омельченко). URL: <https://spb.hse.ru/soc/youth/videos> (дата обращения: 28.02.2019).

Молодежный вопрос в современной России: рубеж первого и второго десятилетий 2000-х — по настоящее время

Современное состояние молодежного культурного пространства России чрезвычайно многослойно и с трудом поддается анализу в выбранном направлении. На публичные пространства выходит молодое поколение, вся жизнь которого прошла в «путинскую» эпоху. Его ключевое отличие от тех, кто вырос в 1990-е и 2000-е, в том, что они эти молодые люди не проживали советской социальности: ни в детстве, ни в подростковом возрасте, ни в ранней молодости. Правда, именно в этот период стали активно возрождаться советские практики военно-патриотического воспитания старших школьников и подростков¹⁸. Вместе с тем на старших из их когорты пришлись события 2011—2012 гг., которые могли стать поколенческой травмой и закрепиться в качестве поколенческого синдрома¹⁹: потеря чувства гражданской безопасности, осторожность при открытом высказывании личного мнения, отказ от критических оценок, конформистская лояльность. При сохранении высокого уровня доверия президенту страны содержание этого доверия изменилось. Молодежь, вовлеченная в культурные молодежные сцены, начала отходить от проимперского прочтения патриотической повестки, активно продвигаемой медийным дискурсом. Несмотря на общественную атмосферу вокруг и после событий в Украине и ситуации с Крымом, полной консолидации и солидаризации вокруг активного продвижения «крымнашей» идеи не случилось. Практически во всех молодежных группах, сообществах, суб/культурных и мейн-стримных молодежных сценах происходили серьезные конфликты, разделившие молодежь на «за» и «против».

Уже в начале 2010-х годов результаты масштабного исследования позволили нам сделать вывод о формировании особых поколенческих черт («поколение Крыма») со специфическими характеристиками пусть и не до конца оформленных, но разделяемых многими синдрома²⁰. Патриотические настроения в этот период получили множественные прочтения. Молодежь, включенная в более консервативные институции (например, военные училища), отчасти разделила продвигаемую властью версию с центровыми идеями о «необходимости защиты от врагов», «особом российском пути», «готовности к военной защите». Однако и в этой среде мы можем столкнуться скорее с прагматическими интерпретациями,

¹⁸ С 1 сентября 2016 г. начинает свою историю всероссийское военно-патриотическое движение «Юнармия», нацеленное на патриотическое воспитание школьников. Движение является прямым продолжателем советских программ. Реализуются программы по подготовке детей и подростков к военной службе, на базе воинских частей проходят конкурсы и соревнования, сборы и слеты. Юнармейцы имеют свою форму, в 2017 г. они впервые прошли по Красной площади на Параде Победы в Москве. На 21 февраля 2018 г. в Юнармии состояло почти 192,6 тыс. человек (URL: <http://yunarmy.ru>).

¹⁹ Протестные выступления в 2011—2012 гг. закончились жесткими задержаниями активистов и оппозиционеров. При этом по разные стороны баррикад (в прямом смысле слова) оказались юноши и девушки одной поколенческой когорты, но с противоположными политическим и идеологическими целями. С одной стороны — «Наши», с другой — представители среднего класса, которых журналисты назовут позже хипстерами и «рассерженными молодыми горожанами».

²⁰ Эти события стали толчком к общему поколенческому переживанию, продолжающему влиять на нынешних 20—25-летних: сложные переживания войны, близкой смерти и риска, возможности моментальных геополитических изменений — но еще и переживания особого патриотического бума, активно продвигаемого в рамках государственного дискурса. Подробнее об этом см.: Е. Омельченко «О поколении Крыма, прагматичном патриотизме и исчезновении готы» // The Village. 27.03.2015. URL: <https://spb.hse.ru/press/146967207.html> (дата обращения: 28.02.2019).

конформистской невключенностью в дискуссии и даже с творческим переопределением патриотических чувств и символов²¹. Интерпретации патриотизма молодежи, достаточно плотно включенной в разные формы молодежной кооперации (сообщества, субкультуры, движения, околополитические активности) становятся ближе к приватной, эмоционально окрашенной повседневной гражданственности так называемых малых дел. Юноши и девушки готовы включаться в инициативы, только если их поддерживают «свои», если они доверяют их участникам, разделяют ценности внутренней коммуникации. Особое значение приобрела (пусть и только потенциальная) гарантия изменений, «пользы» и результата. Травма прямого гражданского участия 2011—2012 гг. фактически закрыла дорогу для массовой публичной активности. Менее масштабные акции апреля 2017 г. подтвердили и усилили ощущение небезопасности и прямого риска для тех, кто решился выйти и открыто высказать свое мнение. Ключевыми моментами критики стали сюжеты, связанные с социальной несправедливостью и усиливающимся неравенством во всех сферах жизни, в том числе и в молодежной среде²².

В целом наше исследование зафиксировало спад националистических и антииммигрантских настроений. Мы видим, что бывшее очень популярным движение скинхедов еще в начале 2000-х годов сошло на нет, как ушло в прошлое и движение антифа, которые в определенной степени воспроизводили друг друга. Наиболее заметно ослабление ксенофобных и национал-окрашенных настроений в младшей молодежной когорте 16—19 лет, юноши и девушки которой оказались в наименьшей степени подвержены прямой пропаганде. Они практически не смотрят российские информационно аналитические ТВ-программы, предпочитая получать информацию из YouTube, Instagram и других сетевых источников. Они в большей степени ориентированы на интернационализм и в меньшей — на патриотизм в политическом смысле.

Несколько важных штрихов в отношении поколенческого профиля

Самой значимой приметой миллениалов признается полная включенность в цифровые коммуникации (Digital native) — в отличие от их старших сверстников, которых называют Digital migrants. Digital-native — это девушки и юноши, «рожденные с мобильным телефоном в руках», с раннего детства овладевшие исключительно новыми способами освоения мира и познания себя. Меняется характер внутри- и межгрупповой коммуникации, приметами которых становится акцент на эмоциональной, чувственной стороне взаимодействия: ожидание обратной связи, сформированной в онлайн-пространстве и закрепленной в опыте, оказывается определяющим для выстраивания отношений и самовосприятия. Частное и публичное пересекаются и проникают друг в друга, самопрезентации в чатах Instagram и других сетях становятся неким обязательным дополнением

²¹ Речь идет о резонансном видео, записанном курсантами Ульяновского института гражданской авиации (УИГА), в котором они танцуют под песню Satisfaction в общежитии училища. Это видео было пародией на видеоролик, снятый в 2013 г. солдатами британской армии. Первоначальной реакцией администрации института было требование уволить участников клипа, но после серии видео в формате широкого флешмоба в поддержку курсантов санкции были отменены.

²² Крутов М. Тихий бунт «поколения Z» // Радио Свобода. 29.03.2017. URL: <https://www.svoboda.org/a/28398182.html> (дата обращения: 28.02.2019).

имиджа и соответствующих ему навыков. Реакция, ответ на задаваемый вопрос, получение оценки в разных формах («лайки», комментарии, грамоты, медали, записи в школьных и студенческих портфолио) — важный компонент выстраивания идентичности. Сетевая включенность непосредственно влияет на выбор каналов коммуникации и на уровень информированности молодежи. Важными моментами стали используемый язык и визуальный контент, а также особенности реагирования «своей» среды (милые, сообщество, тусовка, суб/культурная группа) на сетевые вызовы.

В этот период интерес к новым поколенческим практикам заметно возрос и со стороны кадровых агентств и руководителей бизнес-структур разного рода, что связано с трудовым поведением миллениалов²³. Акцент делается на сложностях мотивации, непредсказуемости трудовых миграционных планов, завышенных требованиях к рабочему месту и атмосфере: непринятие жесткой дисциплины и четкого графика, принципов коллективной ответственности и коллективного поощрения, стремление совмещать рутинную работу с внесистемным «фаном» и другое. Наши исследования также фиксируют отсутствие жесткой привязки молодых людей 18—25 лет к одному месту и одной профессии, они стремятся комбинировать разные типы занятости (фриланс, дистанционная работа, бюджет и предпринимательство) в зависимости не только от материальных мотивов, но и от сферы интересов, карьерных амбиций и планов. Мы обратили внимание на то, что современные девушки и юноши плохо представляют свое будущее, сложно формулируют планы дальше трех–пяти лет.

Плотная сетевая включенность молодых миллениалов влияет и на характер их ценностных ориентаций. Чем моложе когортные группы, тем более они толерантны и восприимчивы к различиям и эксклюзивности разного рода. Вместе с тем эти же группы оказываются более тревожными, с высоким ощущением опасности; они более щепетильны в вопросах экологии, что может проявляться в отношении к уходу за своим телом, в выборе одежды, еды, воды, а также животным и их правильному содержанию. Развитые сетевые практики и онлайн-коммуникации могут сопровождаться ощущениями риска и потери приватности и безопасности. Одна из причин — онлайн-пространство стало еще одной площадкой для интернет-буллинга (издевательств, насмешек, провокаций).

Субкультуры, солидарности, культурные молодежные сцены

Политические вопросы стали крайне важными для переформатирования субкультурных и солидарных групп. Вместе с особенностями дискурсивного влияния на групповые молодежные идентичности внутри культурных сцен начинают формироваться сегменты, противостоящие друг другу вдоль таких конфликтных измерений, как: а) формальная (организованная сверху) и неформальная (низовая) вовлеченность в «политику малых дел», повседневную гражданственность; б) гендерные режимы, ориентированные на стремление к равенству и балансу мужского и женского в доступе и участию, и те, которые ориентированы на поддержку патриархально-властных отношений (в семье, в сообществе, в государстве);

²³ См, например: Исследование Сбербанка: 30 фактов о современной молодежи // Adindex.ru. 10.03.2017. URL: <https://adindex.ru/news/researches/2017/03/10/158487.phtml> (дата обращения: 28.02.2019).

с) патриотизм, основанный на гражданственности, и патриотизм, основанный на национальности вместе с милитаризацией.

Эти напряжения стали одной из предпосылок моратория суб/культурной активности, в этот период мы отмечаем значительное сокращение (суб)культурных сцен. Субкультуры в классическом виде уходят на периферию. Начало этого процесса мы фиксировали с начала 2000-х годов и связывали его с прямым политическим давлением и «борьбой» с субкультурной вовлеченностью.

Результаты последнего проекта²⁴ демонстрируют расширение пространства буферных и миксовых форм культурных молодежных практик и идентичностей, что нашло отражение в широкой включенности молодежи в разные типы сообществ и групп, которые лишь в ограниченной степени могут быть соотнесены с субкультурными.

Компании становятся более смешанными в возрастном, гендерном, стилевом плане. Молодежь с успехом формирует микрогруппы, состоящие из бывших одноклассников, однокурсников, дворовых друзей, родственников, тех, кто имеет схожие увлечения. При этом семья и дворовые компании более значимы при формировании близких отношений и привязанностей для молодежи Махачкалы и Ульяновска, тогда как молодежь Санкт-Петербурга и Казани в большей степени ориентирована на встречи в публичных пространствах. Дворовая культура уходит в прошлое, сохраняясь в качестве отдельных редких зон в пространстве городских локальностей старого, советского типа, например, районах застройки типа «хрущевок».

Основные векторы социальности молодежи — городской спорт, компьютерные игры, интеллектуальные игры в закрытых, клубных пространствах, практики и сообщества, связанные со здоровым образом жизни. Для молодежи во четырех исследованных городах важно быть активным: интерпретации активности различны, они могут значимо различаться в зависимости от региональных, гендерных, классовых, этнорелигиозных смыслов. Формальная и низовая (самоорганизованная) вовлеченности, с одной стороны, значимо различаются, с другой — проникают друг в друга, что, например, демонстрирует этнография волонтерства в Ульяновске или поисковые практики казанских студентов, инициативных форм городского туризма в Санкт-Петербурге. Тренд аутентичности (в контексте разделяемых ценностей) присущ большинству молодежных сообществ, как «Instagram-девичество», так и участникам дарк-сцены Санкт-Петербурга. Разная молодежь (культурно, стилистически, классово, этнически) может разделять некие общие ценности — ЗОЖ, спорт, волонтерство, фанатство, компьютерные и настольные игры. Ценности гражданской ответственности, альтруизма и готовности к заботе об окружающих разделяют участники опроса во всех городах, вне зависимости от групповых идентичностей и культурных выборов. Заметное влияние на разделяемые смыслы групповых идентичностей оказывают так называемые традиционные ценности и патриотический настрой, что говорит о значимой роли политических дискурсов

²⁴ Проект «Созидательные поля межэтнического взаимодействия и молодежные культурные сцены российских городов» (проект финансировался Российским научным фондом, Номер проекта: 15-18-00078). Исследование проводилось в Санкт-Петербурге, Казани, Махачкале и Ульяновске. Полностью материалы исследования будут представлены в готовящейся к публикации книге «Молодежь в городе. Российский случай: культуры, сцены, солидарности».

в переформатировании пространства молодежного активизма и молодежных культурных сцен. Опрос зафиксировал заметное присутствие различных форм религиозного активизма, по убывающей: Махачкала, Казань, Ульяновск.

В последние годы стало популярно причислять себя к сторонникам здорового образа жизни. Эти практики могут реализоваться через аскетизм в потреблении — веганы, вегетарианцы, отказ от курения, употребления психоактивных веществ или через виртуальные ЗОЖ-сообщества, которые существуют только в социальных сетях («ВКонтакте», Instagram и др.), но формируют определенную повестку дня: что можно есть, как можно похудеть и как правильно провести выходные. Популярно и заниматься спортом, и быть активным болельщиком. Велосюбители, воркаутеры, футбольные фанаты — именно с ними часто идентифицирует молодежь себя и своих друзей.

При достаточной схожести ключевых трендов молодежных социальностей, характерных для современной городской среды, полученные в опросе данные показывают значимые региональные различия. Ближе друг к другу по типам молодежной включенности оказались профили Санкт-Петербурга и Казани, с одной стороны, и Махачкалы и Ульяновска — с другой. В этом сходстве/различии проявилась разработанная нами идея о том, что культурные и локальные идентичности оказываются более значимыми, чем этнические или религиозные. Большое влияние на схожесть/различие региональных молодежных профилей могут оказывать гендерные и классовые основания молодежных формирований, а также пусть и опосредованное, но во многом социально и экономически обоснованное отнесение себя и своих компаний к центру (столице, в нашем случае — Санкт-Петербургу и Казани) или к периферии, провинции, что характерно для махачкалинской и ульяновской молодежи.

Картографирование молодежных групп во всех четырех городах показало, что, несмотря на вариации в их представленности, самые распространенные практики — одни и те же. При этом ключевыми измерениями солидаризации со «своими» и формирования внутригрупповой идентичности остаются: отношение к гендерным режимам (гендерное равенство или патриархат), уровень религиозности (от абсолютного принятия до атеизма и агностицизма), интерпретации границ сексуального выбора (сексуальная свобода или контроль за сексуальностью, толерантность к другим вариантам сексуальной ориентации или гомофобия).

Отсутствие адекватного социального запроса на гражданственность подталкивает часть молодежи не только к сопротивлению формальным ассоциациям, но и развитию низовых инициативных практик «горожанства» и локального патриотизма. Например, внутри институционально организованных движений — волонтерства, поисковых отрядов — могут образовываться независимые инициативы, участники которых переопределяют формальные правила и цели. Развиваются новые формы гражданственности «малых дел», общие солидарные инициативы внутри маленьких городских локальностей: свои кафе, парикмахерские, ветлечебницы, практики взаимной заботы и поддержки. К отдельным направлениям низовых гражданских практик «на уровне протянутой руки» можно отнести организацию альтернативных городских пространств, участники которых солидарно сопротивляются коммерциализации потребительских рынков

(массовизации и анонимизации потребления) через продвижение новых «антикапиталистических» форм. Сюда можно отнести популярность новых практик питания («осмысленное», экологическое потребление — веганство, вегетарианство и др.), DIY-рынки, практики заботы о группах, находящихся в сложной жизненной ситуации.

Заключение

Рассмотрение ключевых трансформаций молодежного пространства в России за 25 лет помогает понять роль и место изменений каждого этапа в формировании особых форм социальности российской молодежи, что дает возможность детально рассмотреть и зафиксировать уникальность российского молодежного опыта.

Первый период (1980—1990-е годы) стал временем рождения и признания культурного меньшинства и субкультурного субъекта в качестве значимого и включенного актора социальных трансформаций не только в рамках молодежной жизни, но и общества в целом. Ключевыми понятиями, с помощью которых концептуализировались происходившие изменения, стали субкультуры, тусовки, неформалы, «продвинутые» и «нормальные», группировки, гопники. Выбор молодежью «нормальной» или «продвинутой» культурной стратегии не был полностью добровольным, во многом определялся родительской и локальной (соседской) средой и культурой, географией (столица — провинция, центр — периферия), структурными условиями взросления (происхождение/класс, гендер, этничность, религиозность, дееспособность). Социально-экономическим и политическим фоном коренных изменений молодежной социальности стали глобальные изменения социального порядка, крайне слабая молодежная политика, разрушение материально-экономической инфраструктуры социальной поддержки и сопровождения взросления, что произвело как негативные, так и позитивные социальные эффекты. Отдельная роль в появлении новых форм групповых идентичностей принадлежит «образам Запада» как значимого «другого», принятие и сопротивление в отношении культурных продуктов которого выражается через разные социальные эффекты, в частности — формирование «обиженного» патриотизма.

Одним из определяющих факторов первого десятилетия XXI века стало государственное молодежное партстроительство, патриотическое воспитание, операции «неформал»²⁵, движения «комиссаров» и их последователей. Это время отмечено фрагментацией классических субкультур, расширением пространства буферных групп, появлением культурных миксов, политизацией молодежных сообществ. Начался отход субкультур на периферии городских пространств. Для понимания новых измерений молодежных социальностей мы разработали и ввели в научный анализ концепт «солидарности», использование которого позволяет рассмотреть и проанализировать ключевые векторы ценностных союзов и противостояний внутри и между различными молодежными формированиями. Возросло влияние властных дискурсов, которые проникли и в разной степени интенсивности повлияли на типы молодежной социальности.

²⁵ Операции «неформал» проводились во многих российских городах, в частности в Санкт-Петербурге. По школам, техникумам и ссузам рассылались рекомендации по выявлению молодежи, принадлежащей к субкультурам, для соответствующей профилактической работы.

К концу рубежа первого и второго десятилетия 2000-х годов по настоящее время молодежное пространство, вместе с широкой вовлеченностью молодежи в разнообразные формы социального и культурного участия в жизни общества, отличается еще большей маргинализацией и периферизацией субкультурных групп. Разные типы молодежных формирований (протосубкультур, солидарностей, культурных сцен, групп активисткой и гражданской направленности) обладают значимой для включенных участников аутентичностью (через особые гендерные режимы, разделяемую социальность, ценности и иерархии, формирующие границы сообществ). Состав этих групп максимально разнообразен, но они включают в себя модифицированные сущности (субстанции) субкультур — особый характер коммуникации (разделяемые смыслы сообщества: язык, юмор, культурные симпатии) и особую культурную чувствительность к распознаванию «своих». Реакции различных молодежных групп и солидарностей на давление властного дискурса крайне разнообразны: от некритичного принятия до сопротивления. Ключевыми факторами в выборе «своей» группы и последующей включенности в групповые ценности и смыслы становятся гендерный режим компаний, интерпретации гражданственности и общественной «пользы», уровень религиозности. Мы фиксируем рождение новых форм гражданственности, низовых практик «горожанства» и локального патриотизма: волонтерство и низовое добровольчество, поисковые практики, рэп-баттлы с острой политической повесткой, городские протестные выступления, виртуальные флешмобы, сетевая взаимопомощь. Этот период стал временем формирования гражданского молодежного субъекта. Коммерциализация потребительских рынков и практик стимулирует формирование альтернативных пространств сопротивления массовизации и анонимизации через антикапиталистические и антигламурные настроения и инициативы, популярность осмысленного потребления и особых практик питания, развитие DIY-рынков, потребительский аскетизм.

Меняющиеся формы молодежной социальности подталкивают искать новые способы концептуализации молодежных культурных практик [Омельченко, Поляков, 2017]. В рамках реализуемых проектов при анализе современных городских молодежных идентичностей и практик мы стремимся комбинировать различные идеи — как старые (пост/субкультуры), так и новые («солидарности» и «культурные молодежные сцены»).

Список литературы (References)

Варшавская Е. Российская NEET-молодежь: характеристики и типология // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 31—39.

Varshavskaya E. (2016) NEET-youth in Russia: Characteristics and Typology. Sociological Studies. No. 9. P. 31—39. (In Russ.)

Волков А. С., Гурьев С. Журнал «КонтрКультУра». 1989—2002. Опыт креативного саморазрушения. М.: Сияние. 2017.

Volkov A. S., Guriev S. (2017) Journal “KontKultUra”. 1989—2002. Experience of creative self-destruction. Moscow: Siyanie. (In Russ.)

Гончарова Н., Доброштан О., Костерина И., Лукьянова Ж., Омельченко Е., Шарифуллина Э. Нормальная молодежь: пиво, тусовка, наркотики / под ред. Е. Омельченко. Ульяновск : Изд-во Ульяновского государственного университета. 2005.

Goncharova N., Dobroshtan O., Kosterina I., Lukyanova J., Omelchenko E., Sharifullina E. (2005) Normal Youth: Beer, Party, Drugs / Ed. by E. Omelchenko. Ulyanovsk: Publishing House of Ulyanovsk State University. (In Russ.)

Желнина А. А. «Политтусовка» — альтернативное публичное пространство в сфере молодежной политики. Социологические исследования. 2014. № 3. С. 80—88.
Zhel'nina A. A. (2014) «Polit-tusovka» — Alternative Public Space in Youth Politics Realm. *Sociological Studies*. No. 3. P. 80—88. (In Russ.)

Зиновьев А. А. Наш подарок этому миру: анализ специфики насилия в практиках бойцовского клуба Санкт-Петербурга // Этнографическое обозрение. № 1. 2014. С. 33—46.

Zinoviev A. A. (2014) “Our Gift to This World”: An Analysis of Specificities of Violence in Practices of a St. Petersburg Fight Club. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. No. 1. P. 33—46. (In Russ.)

Исламшина Т. Г. Молодежные субкультуры. Казань : КГТУ. 1997.
Islamshina T. G. (1997) Youth Subcultures. Kazan: KSTU. (In Russ.)

Костюшев В. В. Молодежные движения и субкультуры Санкт-Петербурга: социологический и антропологический анализ. СПб. : Норма. 1999.
Kostyushev V. V. (1999) Youth Movements and Subcultures of St. Petersburg: a Sociological and Anthropological Analysis. St. Petersburg: Norm. (In Russ.)

Кривонос Д. Жизнь после «Наших»: автономия, лояльность и искренность в молодежном движении «Сталь» // Этнографическое обозрение. 2015. № 1. P. 72—89.
Krivonos D. S. (2015) Life after Nashi: Autonomy, Loyalty, and Sincerity in the Stal' Youth Movement. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. No. 1. P. 72—89. (In Russ.)

Литвина Д. А., Омельченко Е. Л. Риторика и повседневность неформального образования анархистов. Вопросы образования. 2013. № 2. С. 133—153.
Litvina D., Omelchenko E. (2013) Rhetorical and Everyday Aspects of Anarchist Informal Education. *Educational Studies Moscow*. No. 2. P. 133—153. (In Russ.)

Новикова Л. Хипстеры: новые потребительские стратегии молодежи // Омельченко Е., Сабирова Г. Новые молодежные движения и солидарности России. Ульяновск : Ульяновский государственный университет. 2011. С. 127—144.
Novikova L. (2011) Hipsters: New Consumer Strategies for Youth. In: Omelchenko E., Sabirova G. *New youth movements and solidarities in Russia*. Ulyanovsk: Ulyanovsk State University Publisher. P. 127—144. (In Russ.)

Омельченко Е. Молодежные культуры и субкультуры. М. : ИС РАН. 2000.
Omelchenko E. (2000) Youth Cultures and Subcultures. Moscow: IS RUS. (In Russ.)

Омельченко Е. Молодежь: открытый вопрос. Ульяновск : Симбирская книга. 2004.
Omelchenko E. (2004) Youth: an open question. Ulyanovsk: Simbirskaya Kniga. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. Субкультуры и культурные стратегии на молодежной сцене конца XX века: кто кого? // Неприкосновенный запас. 2011. № 4 (36). С. 45—46.

Omelchenko E. L. (2011) Subcultures and Cultural Strategies on the Youth Scene of the End of the Twentieth Century: Who Wins? *Neprikosnovenny Zapas*. No. 4(36). С. 45—46. (In Russ.)

Омельченко Е., Пилкингтон Х. С чего начинается Родина: молодежь в лабиринтах патриотизма. Ульяновск: Ульяновский государственный университет. 2012.

Omelchenko E., Pilkington H. (2012) Where Homeland Begins: Youth in the Labyrinths of Patriotism. Ulianovsk: Ulianovsk State University. (In Russ.)

Омельченко Е. Солидарности и культурные практики российской молодежи начала XXI века: теоретический контекст // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 52—61.

Omelchenko E. (2013) The Solidarities and Cultural Practices of Russia's Young People at the Beginning of the Twenty-First Century The Theoretical Context. *Sociological Studies*. No. 10. P. 52—61. (In Russ.)

Омельченко Е. Л. От субкультур — к солидарностям и назад к субкультурам? Споры о терминах и этнография молодежной социальности // Этнографическое обозрение. 2014. № 1. С. 3—8.

Omelchenko E. L. (2014) From Subcultures to Solidarities and Back to Subcultures? Debates on Terms and the Ethnography of Youth Sociality. *Etnograficheskoe obozrenie [Ethnographic Review]*. Vol. 1. P. 3—8. (In Russ.)

Омельченко Е. Риски и удовольствия на сценах молодежного активизма современной России // Пугачев М. Г., Филиппов А. Ф. Пути России. Альтернативы общественного развития. 2.0. М. : Новое литературное обозрение. 2015. С. 25—47.

Omelchenko E. (2015) Risks and Pleasures on Scenes of Youth Activism in Russia. In: Pugachev M. G., Filippov A. F. *Ways of Russia. Alternatives of Social Development*. 2.0. Moscow: New Literary Review. P. 25—47. (In Russ.)

Омельченко Е., Поляков С. Концепт культурной сцены как теоретическая перспектива и инструмент анализа городских молодежных сообществ. Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 2. С. 111—132.

Omel'chenko E., Poliakov S. (2017) The Concept of Cultural Scene as Theoretical Perspective and the Tool of Urban Communities Analysis. *Russian Sociological Review*. Vol. 16. No. 2. P. 111—132. (In Russ.)

Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. Глядя на Запад / пер.: О. А. Оберемко, У. Блюдина. СПб. : Алетейя. 2004.

Pilkington H., Omelchenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E. (2004) Looking West. Trans. by O. Oberemko, U. Bliudina. SPB: Aleteya. (In Russ.)

Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15—33. <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Radaev V. V. (2018) Millenials Compared to Previous Generations: an Empirical Analysis. *Sociological Studies*. No. 3. P. 15—33. (In Russ.) <https://doi.org/10.7868/S0132162518030029>.

Щепанская Т. Б. 1993. Символика молодежной субкультуры. СПб. : Наука.
Schepanskaya T. B. (1993) The Symbolism of the Youth Subculture. SPB.: Science. (In Russ.)

Bennett A. (1999) Subcultures or Neo-tribes? Rethinking the Relationship between Youth, Style and Musical Taste. *Sociology*. Vol. 33. No. 3. P. 599—617. <http://dx.doi.org/10.1017/S0038038599000371>.

Bennett A., KahnHarris K. (eds.) (2004) *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Blackman S. (2005) Youth Subcultural Theory: A Critical Engagement with the Concept, its Origins and Politics, from the Chicago School to Postmodernism. *Journal of Youth Studies*. Vol. 8. No. 1. P. 1—20. <http://dx.doi.org/10.1080/13676260500063629>.

Edmunds J., Turner B. S. (2002) *Generations, Culture and Society*. Buckingham: Open University Press.

Gololobov I, Pilkington H., Steinholt Y. (2014) *Punk in Russia: Cultural Mutation from the “Useless” to the “Moronic”*. London: Routledge.

Hall S., Jefferson T. (eds.) (1976) *Resistance through Rituals: Youth Cultures in PostWar Britain*. London: Hutchinson.

Hodkinson P. (2004) The Goth Scene and (Sub) Cultural Substance. In: Bennett A., Kahn-Harris K. *After Subculture: Critical Studies in Contemporary Youth Culture*. Baskingstoke: Palgrave Macmillan. P. 135—147.

Krupets Y., Morris J., Nartova N., Omelchenko E., Sabirova G. (2017) Imagining young adults' citizenship in Russia: from fatalism to affective ideas of belonging. *Journal of Youth Studies*. Vol. 20. No. 2. P. 252—267. <http://dx.doi.org/10.1080/13676261.2016.1206862>.

MacDonald R., Marsh J. (2005) *Disconnected Youth? Growing Up in Britain's Poor Neighbourhoods*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Muggleton D. (2000) *Inside subculture: The Postmodern Meaning of Style*. Oxford: Berg Publishers.

Nayak A. (2003) 'Ivory Lives', Economic Restructuring and the Making of Whiteness in a Post-Industrial Youth Community. *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 305—325. <https://doi.org/10.1177/13675494030063003>.

Omelchenko E. (2012) Russian Youth from the 1990s until 2010: Generational Changes. In: *Generation X goes global: mapping youth culture in motion*. New York: Routledge. P. 248—268.

Omelchenko E. L., Sabirova G. (2016) Youth cultures in contemporary Russia: memory, politics, solidarities. In: *Eastern European Youth Cultures in a Global Context*. L.: Palgrave Macmillan. P. 253—270.

Omelchenko E., Pilkington H. (2013) Regrounding Youth Cultural Theory (in Post-Socialist Youth Cultural Practice). *Sociology Compass*. Vol. 7. No. 3. P. 208—224. <http://dx.doi.org/10.1111/soc4.12023>.

Pilkington H. (1994) *Russia's Youth and its Cultures: A Nation's Constructors and Constructed*. London and New York: Routledge.

Pilkington H., Johnson R. (2003) Peripheral Youth: Relations of Identity and Power in Global/Local Context. *European Journal of Cultural Studies*. Vol. 6. No. 3. P. 259—83. <https://doi.org/10.1177/13675494030063001>.

Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A. (2010) *Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives*. London, New York: Routledge.

Pilkington H., Omelchenko E., Flynn M., Bliudina U., Starkova E. (2002) *Looking West? Cultural Globalization and Russian Youth Cultures*. University Park: The Pennsylvania State University Press.

Pilkington H., Omelchenko E., Perasović B. (2018) 'One Big Family': Emotion, Affect and Solidarity in Young People's Activism in Radical Right and Patriotic Movements. In: *Understanding Youth Participation Across Europe*. London: Palgrave Macmillan. P. 123—152.

Redhead S. (1995) *Unpopular Culture: The Birth of Law and Popular Culture*. Manchester: Manchester University Press.

Roberts K., Pollock G. (2009) New Class Divisions in the new Market Economies: Evidence from the Careers of Young Adults in Post-Soviet Armenia, Azerbaijan and Georgia. *Journal of Youth Studies*. Vol. 12. No. 5. P. 579—96. <https://doi.org/10.1080/13676260903081640>.

Shildrick T., Blackman S., MacDonald R. (2009) Young People, Class and Place. *Journal of Youth Studies*. Vol. 12. No. 5. P. 457—65. <https://doi.org/10.1080/13676260903114136>.

Stephenson S. (2015) *Gang in Russia: from the Streets to the Corridors of Power*. New York: Cornell University Press.